

НИКА ЯНВАРЁВА

Свечечка

СТИХИ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Ника Январёва

Свечечка. Стихи не для всех

«Издательские решения»

Январёва Н.

Свечечка. Стихи не для всех / Н. Январёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839150-7

«Свечечка» осветит тайные уголки вашей души, спалит все тёмное и лишнее. Её тепло согреет в ненастье. Только не приближайтесь вплотную, иначе ожог будет силён. Стихи Ники Январёвой отличаются разнообразием сюжетов и тем. Интимная женская лирика, баллады, философские рассуждения, иронические зарисовки, трагические откровения. Интересная ритмика, неожиданные метафоры, причудливые образы приоткрывают мир самобытного и чуткого к «небесным вибрациям» поэта. «Свечечка» наполнит теплом ваши дни!

ISBN 978-5-44-839150-7

© Январёва Н.
© Издательские решения

Содержание

Красный росчерк	6
Почти романс	7
Белая Ворона	8
О чём-то важном	10
Недо...	12
Апокалипсис	13
Расставание	14
Весенний роман	16
В дураках	18
Вороны	20
Было...	21
О стихах	22
Визитка	24
Не смотри...	25
Июль	26
Уходит век	27
День рождения	28
Ушёл	29
Лечу	30
В плеске волн	31
Ведьма	32
Сильная женщина	34
Похвала осени	35
Принцу	36
Песнь о Есенине	38
Пусть не услышит...	39
В фиолетовой дымке	40
Поезд	41
Пошаманить?	42
О «темпераментных»:	43
О пользе телепатии:	44
Две осени	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Свечечка Стихи не для всех

Ника Январёва

Вместо эпиграфа...

© Ника Январёва, 2017

ISBN 978-5-4483-9150-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Свечечка тонкая, робкое пламя.
Жизнь пресечёт её даже дыханье.
Сможет задуть и крыло мотыльково
Крошечной свечки негромкое слово.**

**И на стене чудотворные блики
Будут забыты, как слёзы калики.
Но ведь судьба шанс кидает порою
Сирым, убогим – не только герою...**

**Тонкая свечка слизнула бумажку
И по обоям метнулась в растяжку,
И запылали уже занавески,
Новые брёвна и старые фрески.**

**Пол полыхает жерлами дракона,
Вещи кидают с витого балкона...
Миг – не осталось от дома дощечки.
...Вот и прославилась скромная свечка!**

Красный росчерк

Красный росчерк пера
Делит грудь пополам.
Из тупого угла
Полоса потекла.

Терпкий запах крови
Закружил в голове.
И уже полыньи
На груди стало две.

Каплет кровь на ковёр,
И узорам под стать
Расцветает шатёр,
Как червонная масть.

Стал сочнее узор,
Рдеет дивный цветок.
И совсем не в укор —
Кровяной стебелёк.

А оставшихся сил —
На ковёр тот упасть.
Славно друг угостил.
Можно выпастся всласть.

Почти романс

Вы ко мне подошли в полумрачии зала.
Был учтивым поклон и опущенным – взгляд.
И в душе у меня странно вдруг задрожало.
И припомнился летний запущенный сад...

Я блуждала в тени изумрудных деревьев.
Платье лёгкое, туфельки были в росе.
Далеки голоса городских ротозеев.
Я сбежала от них, надоели мне все.

Вы возникли бесшумно вдруг передо мною.
Я отпрянула в страхе, и вырвалось: «Ах!»
Мы молчали потом под зелёной луною.
И своё отражение зрели в прудах.

Я домой воротилась с туманным рассветом.
Руки зябкие, плечи закутала в шаль.
С кем была под луною – не знала об этом.
Но мне было чего-то мучительно жаль...

Вы ко мне подошли в полумрачии зала.
Был учтивым поклон и опущенным – взгляд.
Я вас долго ждала! И на вас я гадала!
Но... венчалась с другим три недели назад...

Белая Ворона

Всё начиналось очень глупо и нелепо:
Душа моя не соглашалась спрыгнуть с неба
И поселиться в чудосочном детском теле.
Но не поспоришь: уста Бога повелели.

Не кукушка, не тигрица, не змея,
Белая Ворона – это я!

Душа смирилась, подчинилась, затаилась.
И тут судьба моя проклятая решилась.
«Никто не сможет в этой робкой оболочке
Узнать меня ни в белом свете и ни ночью».

Не кукушка, не тигрица, не змея,
Белая Ворона – это я!

Но много раз ещё потом душа стремилась
Покинуть тело на Всевышнейшую милость.
Хворало тело, и хирело, и слабело,
Но не дошло до запредельного предела.

Не кукушка, не тигрица, не змея,
Белая Ворона – это я!

Я мышкой серою казалась, неприметной.
Душа скрывалась за щеколдою заветной.
И говорить мне ни о чём не позволяла.
И лишь бумаги лист порою окрыляла.

Не кукушка, не тигрица, не змея,
Белая Ворона – это я!

Меня, душа, не знаю, скоро ли покинешь.
И крикнешь громко или тихо свистнешь: «Финиш!»
Но это снова будет глупо и нелепо:
Не навсегда же возвратишься ты на небо!

Не кукушка, не тигрица, не змея,
Белая Ворона – это я!

Опывшей свечки трепет зряшный
Кидает тени на ладонь.
Выводит титрами изящный,
Неверный луч: «Меня не тронь».

Как рыба, потерявши жабры...
Перед глазами – пелена...
Мерцают грустно канделябры,
Не разбирая, чья вина.

И слёзы плаваются в бокале,
Сползая с истончавших щёк...
А как дрожали скрипки в зале!
Упала тень на потолок.

И колокольчик, завершая
Наивной дерзости виток,
Звенел пронзительно: «Родная!..»
Увы, помочь никто не смог.

О чём-то важном

А вы не думайте, я не загнулась!
Свою башку в песок не окунаю.
И вдохновение ко мне вернулось.
Любить мне некого, но я – летаю!

Но я блаженствую, строча
Слова в тетради!
Не скоро в руки палача,
Бессмертья ради!

Пусть не увидит свет мои
Романы-вирши —
На Марсе светятся огни
Родней и ближе!

И в тёмном сумраке невежд,
Хамла и судей
Незримо высится мой крест —
И вечным будет!

В копилку, в Летопись Времён,
В Стигматы Мира
Войдёт и рукопись о том,
Что с нами было.

Героев выдумана жизнь,
Но мной вдохнута.
И в них раздумия слились
Годов, минуток.

И след – на ауре Земли,
Где светотени,
Где пляшут отблески зари
И Колыбели, —

Оставлен мной, вполне живой, —
И отпечатан.
Но родниковую водой
До срока спрятан.

Я знаю: стены не горят
Воздушных замков.
И до поры все чувства спят
У тех, кто загнан.

Ты пьёшь мою душу глотками,
Как пьют, задохнувшись от жажды,
Утратив небесное пламя,
Что дымкой истлело однажды.

Так пьют, добредя до колодца, —
Горстями, захлёб, своевольно.
Надеясь, что сказка вернётся,
И это не станет вдруг больно.

Так пьют из ручья, что таится
В глуши вековечных скитаний,
Что смоем флюиды убийцы.
И будет бальзам от терзаний.

Так пьют из хрустального кубка —
Слегка трепеща от волненья,
Когда синеокой голубкой
На душу слетит просветленье.

Недо...

Недоуслышанность речей.
Незавершённость погруженья.
Несовершённый грех, ничей:
Недозакончено движенье.

Недоиспытанность чудес...
Недоупавшими словами...
Недослияние повес
В не-до-конца-уснувшей ране.

Не разметавшись наготой...
Не утолив лавину страсти...
Недосомкнувшейся судьбой —
На миг нахлынувшее счастье.

Золушка, как вы были красивы!
Как в опаловом платье тонула рука!
Золушка! Ваших глаз переливы
Не однажды смутили всех: юнца, старика...

Золушка! Танцевали вы с принцем,
Все сияя от счастья и блеска вокруг,
Игнорируя всех, не взирая на лица,
Каждый миг расширяя в сердце раненных круг...

Золушка! Как вы были красивы!..

Апокалипсис

По-над вольной рекою красною
Встанет небо свинцово-ясное,
Встанут тучи огнём живительным,
Гулко-трепетным, изумительным.

Станет гром барабанить в купол небес,
Будто штык ко штыку – сомкнётся вдруг лес,
Содрогнётся твердь у земной коры,
Разомкнётся зев, поглотит миры!..

Опустеет всё – как и не было.
Вспыхнет радуга – да в полнебова.
А Вершитель – Тот, катастроф Творец,
Рассмеётся вдруг, начертав: «Конец».

Кабриолет – загадочное слово,
Ласкает слух изящной стариной.
А вот, к примеру, взять быка, корову...
Привычно. Современно. С новизной?

Но тысячи столетий поголовья
«Рогатого и крупного» зверья
Бродили по лугам, жевали стоя,
Глазами тупо в сторону смотря.

Едва ли сильно внешне изменились.
Судьба скривилась племенем людским.
Кабриолеты – были. Иль приснились?
Коровы – не уйдут. Спасибо им.

Расставание

Цедит утро капель
за окошком унылым.
В сером хмуром молчанье
дрожат фонари.
Оседают снега
на бесшумье тоскливом.
И не встретим с тобою
мы новой зари.
И не встретим погасшие
летние звёзды,
Что крылом замедляет
ушедшая ночь.
В жизни всё догорает
божественно просто.
И сиянью недолгому
нам не помочь.
И не выразить нежные,
тонкие звуки,
Что расплавленным воском
светлеют в душе.
Как беззвучный укор —
разомкнутые руки.
И сплести их ничто
не поможет уже.
И никто не поймёт,
как мы много теряем,
Уступая приличьям,
нелепым молвам.
А луна обагрится,
быть может, у края,
Предоставив приют
непролитым слезам.

Просто сказка. Всего лишь сон.
Ностальгия в десяток апрелей.
Откровенья текли в унисон.
И сердца, прикасаясь, горели,

И слова рассыпались у ног,
С испещрённых лоскутьев срываясь,
И предчувствий хромой осьминог
Шевелился в душе, озираясь.

Отрешившись от мира людей,

В поднебесье неслись на качелях.
И заря улыбалась, зардев,
Отраженья кидая сиреням.

И змеились расщелины рельс,
Семафоры пронзали туманы,
И мохнатые брызги чудес
Серебрились, как дождь из фонтана.

Под дугою бубенчиков звон.
Заплутавший сюжетик из рая.
Просто сказка. Всего лишь сон.
Так совсем-совсем не бывает.

Весенний роман

Женщина с изяществом газели
Мне пронзила сердце по весне.
Воробьи, разинув клюв, глазели,
Как я брёл, кусая талый снег.

Впереди, в слепящей диораме,
Посреди проснувшейся земли,
В шляпе с широчайшими полями
Шла она, не видя визави.

Плечи с золотистыми крылами —
Это ветер дул на волоса —
И, паря, разгульно раздувались
Две полы, как будто паруса.

Стаи лужиц в лоне тротуара
Норовили пасть под каблучок.
И чадил весенним перегаром
Каждый кустик, небо, ручеёк.

Солнце ей заглядывало в очи,
Освещая нежность свежих щёк.
И никак не смог я превозмочься,
Пригубил безумия чуток...

Мы, в неровной массе одеяла
Потерявшись, тешились хмельно.
Словно с неба счастье к нам упало.
Словно вместе были мы давно.

Нанизались бисером блестящим
Дни шальные, полные чудес...
Зелень стала летним настоящим.
И кураж тихонечко исчез...

Вот замок захлопнулся у двери...
Ты, душа, не плачь и не кричи.
Женщина с изяществом газели
Мне вернула сердце и ключи.

Бог карает за гордыню —
Что ж, он прав.
Да, чужие мы отныне,
Не сплав.

Да, глаза мои сухие —
Назло!
Завяжу в себе стихии
Узлом.

Нет, не станет ночью душно,
И боль
Не присядет на подушку —
Уволь!

Я засну с легчайшим сердцем —
И вмиг!..

Лишь за дверцей, тайной дверцей
Стынет крик...

В дураках

По зелёным волнам океана
Белой лилией яхта плыла.
Пены кружево тоньше обмана.
Капитан элегантна, смела.

Горделиво потрянув головою,
Разметала волосьев струю.
Да, придётся послушать герою
Захмелевшую совесть свою.

Разудалые, бурные ночи
И в туман обмакнутые дни.
Дикой яростью полные очи.
Люстр, бокалов сверканье, огни.

Иль об этом шептал на обрыве,
Обжигая дыханьем страстей,
Ослепляя короной на гриве
И пригнав пару лучших коней?

Старый граф очарован не даром
Статным малым с кипящей душой,
С бесконечно звенящим металлом.
Он добьётся руки у меньшей.

Но не зря она виделась в мыслях
Кобылицей чистейших кровей.
Разбродилось вино, а не скисло.
Ничего ты не понял о ней.

Ты не знал? – Океан бесконечен.
Не подумал, что яхта легка?
Как ты был вопиюще беспечен!
Не пеняй, что теперь в дураках.

Он сказал: «Ты будешь моя».
Не спросил меня ни о чём.
Поняла: иначе нельзя.
И замкнула былое ключом.

Он меня обернул плащом.
К своему приторочил седлу.
Конь скакал ночь, утро ещё.
Мне казалось: от тряски умру.

Постоялый двор и еда.
Слишком близко его плечо.
Поняла: любовь – ерунда.
Но она почему-то влечёт...

От огня лицу горячо.
Но сильнее ожёг его взгляд.
Мои мысли – наперечёт.
Что-то смутное тянет назад...

Рич был груб, малодушен и пьян.
Он меня – за картёжный должок...
Я видала, как комкал бурьян
Протрезвившийся прежний дружок.

Вороны

Вороны, вороны, чёрные птицы
Кружат над степью слепой.
Русские кмети, как горько вам спится
После потехи хмельной!

Всеволод храбрый повержен жестоко,
Игорь казнится в плену.
Видя затмение – перечили року.
Вольно шеломам в Дону.

Рвалась с тоскою родная природа —
Птицей, травой: воротись!
Алое зарево. Алые воды.
Мёртвые глазоньки – ввысь.

Плачь, Ярославна, и к ветру, и к солнцу,
К Дону мольбы обрати.
Вылей тоску ты до самого донца:
Им ли его не спасти?

Тело безглаво – беда невозвратна.
Так и без Игоря – Русь.
Не довершив славных подвигов ратных,
Мыслил: «Сбегу! Ворочусь!»

Русской земли доброта не иссякнет:
Примет с улыбкой, простит.
И под копытом не раз ещё звякнет
Вражий поверженный щит.

Было...

Был осенний день, тобой забытый.
Было сумасшествие до слёз.
Кубок с ядом, гроздьями увитый,
В никуда ведущий старый мост.

Был и зимний день с раскисшей слякотью,
В лужах утонувший тротуар.
Не хотелось быть из лыка лапотью,
Но забвенья пить пришлось отвар.

Между днями, встречами, дорогами —
Мысли, чувства, горькая халва.
Только птица-аист длинноногая
На скале гнездовья не нашла...

Не сражался с Ленским на дуэли,
Не бросал Татьяну, всю в слезах,
Перед ней потом не ползал на коленях
И о дяде осторожен был в словах...

Нужен ли такой тебе Онегин?
Стал бы ты о нём читать роман?
Не бывает судеб чище снега.
Жизнь приличий – льстивейший обман.

О стихах

*Но есть ещё зараза
Похлеще водки с пивом —
Без сна и без приказа
Слова слагать красиво.*

Вы думаете, над стихами
«Работают»? – Нет!
Они – как поток,
Как несносный полуночный бред:

Мешают, слетают
И сыплются из темноты.
Уставшая ручка
Марает любые листы.

Слова не пускают
От них оторваться на миг,
И ловишь в ладони
Сверкающий юркий родник.

С унылой тоскою,
С трудом оторвавши глаза,
Ты видишь, как стрелка
К рассвету бежит на часах.

И ты сожалеешь,
Как мало осталось, и вдруг
Слова удаляются.
Лава скользит мимо рук.

И ты, оголтелый,
Напрасно цепляешь её:
В другое сознание, к другому поэту,
Вмиг всё не твоё.

Обовью твои кудри цветами,
Станешь краше весёлых подруг.
Не грусти, моя горлинка Таня,
Что я должен уехать так вдруг.

Я в душе сохраню наши встречи,
Нежный голос и глаз синеву,
Твой покорный укор в этот вечер,
Что тебя оставляю одну.

Не свою – помещицей волей
Еду в город до самой зимы.
Ты ведь знаешь крестьянскую долю:
Гнев страшнее войны и чумы.

Ты надейся и жди возвращенья,
Обо мне не кручинься, мой друг.
Верь: закончатся наши мученья.
На головку накинешь фату.

Нам завидовать станут украдкой,
Величальные песни споют.
Мы умчимся на резвой лошадке,
Я свою тебя назову.

Визитка

Я – закладка в оставленной книге,
Полушорох озябших осин,
Замиранье ушедшего мига
И кровавые слёзы рябин.

Я – журчание струйки весенней,
На дыбы всколыхнувшийся конь,
Утонувшие в зелени сени,
Колокольчиков синяя взвонь.

Я – и сумрак ушедшего лета,
И лесное приволье зимы,
Краткой памяти чьи-то заметы
И цветные, летящие сны.

Я – горчащая влага полыни,
Лёгкий иней в узорах листвы...
Растворится в годах моё имя,
Как, сгорев, ввысь уходят костры...

Намажься гуталином
И сделайся красивым,
И обглодай с усмешкой
Деревья за окном.
И пусть ты в жизни – пешка,
Монета – вечной «решкой»,
Проблемы с пистолетом
Ты выяснишь потом.

Не смотри...

Не смотри ты ей вслед, не смотри.
И души не мути ожиданьем.
Королевы и короли
Не приходят к «простым» на свиданья.

Горделивой осанкой и плеч
Непомерно-высоким ношеньем
Очень хочется «высшим» избечь
Прикасанья к «разнузданной черни».

И высоки заборы дворцов,
И надёжны суровые стражи.
И ненужно-красиво лицо.
И темницам сродни экипажи.

Опустошённая душа
Фальшивит в звуках чудной скрипки.
Дрожит кусок карандаша.
Кривится тусклая улыбка.

И листья по ветру – не чудо
Для обречённых и чужих.
Вершит порой один зануда
Не за троих – за пятерых.

А год меняет оперенье.
А лужи томны и глубоки.
И не идёт на ум ученье.
И выются в воздухе пороки.

Июль

Ясноликий томительный странник,
Обожжённый ветрами июль,
Ты приходишь порой, как карманник,
Похищая живую струю.

Но приносишь с собой, между делом,
И янтарную тяжесть жары.
И в затменье берёз оробелом,
Как знаменье – дороги бугры.

Но простой и ранимой усмешкой
Ты не скрасишь былинок уход.
Породниться захочешь с надеждой —
Осознаешь: и это пройдёт.

И уступишь опять, не иначе
Торопящему августу сень.
На прощанье, быть может, заплачет
По тебе облаков дребедень.

А ты давно похоронил
И закопал без сожаленья.
Мечту – подумаешь! – сгубил.
И оборвал у птицы перья.

У синей. Вот ещё нюансы!
О том ли мысли в голове?
Так глупо слушать слёз романсы.
И ту капель, что в январе.

Уходит век

Не торопясь, уходит век,
В последних лужах отражаясь,
Как посторонний человек,
В вагоне сумрачном качаясь.

А позабытое ведро
С пахучей бездной земляники,
В траву упавшее давно,
Внезапно станет многоликим.

Как уходящие в туман
Потоньше шёлка паутинки.
Как неизбежный караван:
Слов и движений душ – миг дымки.

Как отзвучавшие в годах,
Не всеми понятые звуки,
Отяжелевших черепах
Шаги – без помощи сторуких.

Как исполины пирамид,
Перебежав тысячелетья.
Как, свежим дождиком омыт,
Асфальт, смотрящий в строки эти.

Какая разница, где сгиб
И кто согнул под свой артикул,
Кто равнодушен, кто осип,
Кто завершил внезапно цикл...

День рождения

Чашек фарфоровая нетронутость.
Блюдец жеманных серебряный край.
Торта цветная напыщенность-холодность.
Чайник пузатый: «Скорей наливай!»

Стулья пусты, аккуратно задвинуты,
Их не встревожили быстрой рукой.
С блеском полы, замечательно вымыты...
Возле окна – человек с сединой.

Солнце полнеба проехало медленно,
Скрылась небесная синь в облака.
Мёртва листва: абсолютно безветренно.
Сдул бы хоть ветер тоску старика...

Шалый август – как трость из бамбука:
Лёгкий, прочный, надёжный на вид.
Нет приятней и радостней звука —
Яблок стук. Мёдом воздух налит.

На озёрах – русалочки косы
Разметались по стылой воде.
Водит леший в лесах, по откосам
Грибников, что не верят беде.

Редкий листик янтарно-медовый,
Словно солнцем лизнут невзначай.
И не скоро, не скоро, не скоро
Журавли прокурлычат: «Прощай!»

Ушёл

А ты ушёл в предпраздничную ночь.
Задёрнул шторы в небо по-хозяйски.
На прошлое крестом наляпал скотч.
И скинул все обветренные маски.

Движеньем резким свитер натянул.
В пасть рюкзака закинувши бельишко
И пару книжек прихватив подмышку,
Ты отбыл в рай с названьем «Барнаул».

Задуло сквозняком огонь в камине.
И кот в недоумённой пантомиме
Красноречиво выгнулся в дугу.

Была пятница. Было тепло.
Ветер дул темнотой-опахалом.
По душе расплзлось пятно,
Из чернил: с твоей ручки стекало.

Заливало без проблесков гляncем,
Отражающим света лучи.
Раны, яркие, как померанцы,
Потонули в чернильной ночи.

Замуровано. Сбито со счёта.
Блеск. Ответ. Кровоточия нет.
Равнозначно простейшей работе,
Что вершит в час лихой пистолет.

Лечу

Головой лечу с балкона
Вниз.
Чей-то голос незнакомый —
Визг.
Я лечу и вижу птиц
Клюв.
Знаю: за самоубийц
Не пьют.
А вокруг – река иль небо? —
Синь.
А внизу сигналил грубо
Такси.
Ветер дует прямо в губы —
Взись!
Поднимаю – выше, выше —
Лицо.
А рука, что мимо крыши, —
С кольцом.
А в ушах – не шум, не крики —
Тенорок.
Все упрёки, все «улики»
Сберёт.
Попрощаюсь я с тобою
Легко.
Знаю: встретишься с любовью
Да-ле-ко...

В плеске волн

Влажный всплеск глубинного отлунья,
Голубые блики каравелл,
Вламываясь в пластик полнолуныя,
Властно облегают ласку тел.

Сталь волны, лоскутно-камуфляжна,
Лепестками плавно облекла.
Ласково, пленительно и влажно
Лилию в волосья заплела.

Лиц томительных усталая прохлада.
Сорван лотос, сумеречно-бел.
Золотые брызги звездопада – россыпью:
«Ты сделал, что хотел»...

Вымалывать любви, когда ушла? —
Внезапно опустившись на колени,
Беззвучным воплем всё вокруг глуша,
Живя – чудовищным одним преодолением...

Вымалывать любви? – Когда не стоит
Копейки ржавой взгляд... Да и слова...
Их Время в туюсок плетёный ловит.
И не от счастья никнет голова.

Вымалывать любви? – Заранье зная,
Что нет возврата в пройденный предел.
И что душа совсем уже пустая.
И без значенья – дрожь сплетённых тел...

Ведьма

Я летаю в полнолуние
На метле.
Вот такая я шалунья!
На земле

Слишком скучно лунной ночью —
Ты поймёшь.
Разобьётся разум в клочья
Об балдёж.

Я тонка, я с лунный лучик
Неспроста.
Достаю легко до тучек.
Красота!

Напугала? Ты – боишься??
Ну, хорош.
Да тебе со мною, Миша,
Повезло ж!

На метле тебе не место,
Сразу – хлоп!
Ты с балкона, по соседству —
В телескоп.

Ты смотри на круглом фоне,
На луне —
Силуэт мой будет чёрен...
Вот, алле!

Что же ты опять, Мишутка,
Побледнел?
Я ж не стану очень жутко
В трубах петь.

Я в трубу скользну с метёлкой —
Как змея.
Да, Солоха мне золовкой.
Ведьма я!:(:)))))))))

Смерть приходит лукавой цыганкою,
Ни о чём никого не спросив.
Заглушить невозможно тальянкою
Этот чудный и скорбный мотив.

Что в руках – или силы нездешние,
Иль бессилье великих глупцов?
Тонут в сумраке клики сердечные,
Вопрошая: «Ну как? Ты готов?»

Серой дымкой подёрнулось прошлое,
Замыкая «былое» и «впредь».
По тропе, по меже запорошенной
Всё уходит в негромкую смерть.

И что видит – словами не скажется.
И какие звучат голоса —
Не понять. Всё живущими смажется.
Всё истлеет, уйдёт в полчаса...

Сильная женщина

Сильная женщина —
Это диагноз,
С ним в наше время
Нетрудно родиться.

«Сильная женщина!» —
В трауре мама,
Дочку узрев
На газетной странице.

«Сильная, ведьма!» —
Кривится мужчина,
Дрожь ощущая
Вослед восхищенью,

Взглядом буравя
Прошедшую мимо,
Что предпочла
Пустоту униженью.

Сильная женщина —
Вывих природы,
Что не затмит
Ни subtilность, ни томность...

Так о себе
Рассуждаю с народом,
Враз обнаглев
И утративши скромность.:)

Похвала осени

Да здравствует осень со всеми причудами!
Да здравствует небо, седое и пьяное.
Да здравствуют ветви, торчащие отовсюду,
Сплошь златоволосые, красно-багряные.

Да здравствуют пни, что опятами выбраны
И для посиделок, и для скоморошества.
Да здравствует ветер с шальными порывами,
Сдувающий с жизни банальность и пошлости.

Да здравствуют лужиц блестящие рожицы,
Что чутки всегда и ко всем окружающим.
Да здравствуют яблоки с яркою кожицей.
И мифы о лете в душевных пожарищах.

Да здравствует дождь, что струится и капает,
Что всюду кропит невзирая на лица.
Да здравствует сумрак с пушистыми лапами.
И тот, кто лишь осенью может присниться.

Оглушённая, опустошённая,
И душа – словно шарик спущенный.
Ты, предательством счастья лишённая,
Стала ивой с корявыми сучьями.

И выхлестывал ветер глазоньки,
И камнями швырял в тело нежное.
По тебе короеды лазали...
В общем, всё осталось по-прежнему.

Принцу

Побудьте мальчиком смешным,
О знатный принц высокомерный.
Тогда ослабится зажим
Объятий спеси. И манерность

Не затуманит вашу суть
Перебродившим соком драмы.
И не случится вам уснуть
Под гнётом злости и дурмана.

Как ваш незримый щит тяжёл,
Вручённый предками сурово!
Обречены вы на престол,
На лесть без искреннего слова.

Но нынче правит карнавал —
Властитель взбалмошный и шалый.
Пока никто вас не узнал,
Смешным побудьте и лукавым.

Пестрей, нелепее наряд!
Колпак потешный не забудьте!
Из мрака – в свет! Из света – в мрак!
Дурачьтесь, смейтесь, балагурьте!

Да, завтра станет всё, как встарь:
Надменность, слуги, лесть у трона...
Но в сердце будет жить бунтарь
С повадкой вольной ветрогона.

Но будет помниться восторг,
Полёт ребячливо-игривый.
И звонкий танец лёгких ног,
И взгляд доверчиво-счастливый...

А конь мой закусил уж удила.
Хочу скакать – но только без седла.
И чтобы – были крылья у коня,
И чтоб завыли ветры на меня,

И чтоб в крови безумие бурлило,
И чтоб влекла меня громады сила.
В душе струна бы каждая дрожала,
А буря с визгом в спину подгоняла.

Над головой взмывали бы драконы,
Созвездья, мчась, лишились угомона,
Луна лила бы серебра рулады,
А звёзды их ловили б для услады.

И с облаков глядели бы русалки,
Плетя венки из солнечной фиалки.
А Млечный Путь простёр свою ладонь,
Чтоб, не запнувшись, мой промчался конь,

Чтоб я пропала в лёте по Вселенной,
Расставшись навсегда с планетой брэнной.
Чтоб бури вальс кружил, не умолкая.
И чтоб душа всегда была живая.

Песнь о Есенине

Все пути, все дома запорошены.
Стыл декабрь. И хандра – тут как тут.
И беспутные кудри Серёжины
Ветры времени треплют и бьют.

Кабаки и случайные женщины,
Резкий пламень прозрений и чувств...
Глотку душит клеймо деревенщины.
На зубах – почитания хруст.

Ни Москва, ни Рязань, ни Америка,
Ни Толстая, ни Райх, ни Дункан,
Ни мольба, ни божба, ни истерика
Не смогли удержать ураган.

Скандалист, и распутник, и пьяница,
Всем соривший – деньгами, детьми,
Балагурством, строкою, что тянется
С давних пор и жива в наши дни.

Запрещали, пылили в забвении,
Осуждали, не помнили дат...
Отчего же при слове «Есенин»
Так туманится нежностью взгляд?

Мир есенинский – заводи, всполохи,
И кленочек, что матку сосёт,
И качаловский Джим, и черёмуха —
Нашим душам загнить не даёт.

Пусть не услышит...

Это имя лелеешь в душе ты нежнейше.
Для него стать готова хоть нимфой, хоть гейшей.
Перед ним – безоглядно – ты вся нараспашку.
И заранее прощаешь ему все промашки.

Перед ним утаишь ты ревнивые слёзы.
Все улыбки его – твой обманчивый козырь.
Солнце в мире одно – ты уверена в этом —
То, что ночью и днём охраняешь в себе ты.

Пусть твердят, что ты просто придумала сказку.
Только в мире ничто над тобою не властно.
Ты не станешь раскрашивать чувством афиши.
...Пусть он даже тебя никогда не услышит...

Есть фортепьяно. На нём не играют.
Есть ваза, но только давно без цветов.
Есть пыль, её никогда не стирают.
Она сохраняет след чьих-то подошв.

Есть миф, но в него уже некому верить.
Есть свет, но который опаснее тьмы.
Есть вечно открытые сонные двери.
Есть окна без стёкол с предвкусьем тюрьмы.

Есть чей-то портрет в задохнувшейся раме.
Есть белый до дрожи чумной потолок.
Есть злые слова, что читаю на память.
...Был синий туман, что однажды увлёл.

В фиолетовой дымке

Я не здесь, я всё там,
В фиолетовой дымке.
Заблудиться хочу
Я совсем, навсегда.

И в каком-то далёком,
Нелепейшем снимке
Проступают предчувствия,
Что моя там звезда.

Не хочу возвращаться
В то, что грубо и зримо.
Не хочу оторваться
Я от кубка с отравой.

Всё же мы – пилигримы,
Не свободны от грима,
Не свободны от тяжких
И нелепых вериг.

И нас мучит лукавый.
Кто виновен, кто правый,
Даже лемех кровавый
Всё ещё не постиг.

Поезд

И этот поезд в никуда
На фоне лета ярче ситца —
Как не добытая руда,
Как раз увиденные лица.

Он увезёт не пассажиров,
Не к низу тянувший багаж,
А чувства приторней инжира,
А ложь, раскаянье и фальшь.

Его не будет в расписание.
И семафоры – не указ.
Но кто-то знает, кто-то знает:
Двоих не вынесет Пегас.

Исцарапанные руки,
Губы тонки и бледны.
И, сказать не очень грубо,
Ну... Рельефы не видны.

Ну, веснушки – бог бы с ними.
Да вот кожа и – скелет.
Между ними, между ними
Ничего, представьте, нет!

Ну, про то, что метр-то с кепкой,
Ну, про чёлочку-наив...
А характер – сильно скверный.
Вот так дивушко из див!

Пошаманить?

Жажда, воля и печаль —
В твоей руке.
А всю с нуля игру начать
Мне не успеть.

И заменить кленовый лист —
Увы! – нам нечем.
За срезы бережно держись,
Не будь беспечен.

А мир другой покорно ждёт,
Не манит.
Так, может, выгнуться дугой —
И пошаманить?

У неё фигура
Девочки-подростка.
У неё солидности —
Ни на медный грош.

Русой чёлки струны,
Остренькие скулы
И ухмылка дерзкая —
Плевков для пьяных рож.

О «темпераментных»:

Сангвиник рисует сангиной.
Он весь в оптимизме, смех только —
Распухшее горло с ангиной,
Таблетки, уколы и койка.

Холерик связался с холерой —
И где подхватил, торопыга?
Марина, Сабрина иль Лера?
Олег или Костик? Ядвига?

В тоске и соплях меланхолик:
Всё серо и жутко на свете!
Он сам – ну почти алкоголик,
Жена – наркоманка, а дети!..

Король пофигизма, флегматик,
Вольготно живёт и спокойно.
«Я жирный и глупый астматик? —
Не страшно, не грустно, не больно».

Забирается осень в овраги,
По ветвям, по верхушкам скользит.
Заливает пустые бумаги.
И невзрачным дождём моросит.

И обманчивым солнцем смеётся,
Воздух стылой иголкой пронзая.
Обмануть ей легко удаётся
Дребезжащее сердце трамвая.

О пользе телепатии:)

Шептали вы одни скабрзости,
Прижавши локоть мой в толпе.
И с чувством – извините – мерзости
Мой голос внутренний запел.

Меня смущал жаргон довлеющий.
Но смысл был, несомненно, тот.
Ваш взгляд, забавно стекленеющий,
Упёрся в мой недвижимый рот.

Толпа нахлынула-отхлынула,
Но вы застыли, словно пень.
...Ещё одну душонку вымыла.
Совсем не зря прошёл мой день!:)

...И белый шлейф, как птичье оперенье,
Тащился вслед, бывшее заметая.
Из рук бесшумно выскользнула, тенью.
К ней жизнь уже торопится другая.

Пропеты все венчальные молитвы,
Даны обеты раз и навсегда.
А в памяти, острее острой бритвы —
Кувшинки, родниковая вода,

И сарафан из пёстренького ситца,
И ленты в косах, синие глаза...
Но только денег не было жениться.
Но только изменить ничто нельзя...

Две осени

А он уже так жить не мог,
Ведь чувствовал, дышал – иначе.
Ущербной прошлой жизни кляча
Копытом метила в висок.

Он видел страшные глаза
Своей жены – с неммым упрёком.
И поворачивался боком
Подросток-сын, спеша к друзьям.

Казнился сам – к чему обидел
Скреплённых узами родства?
Но, очевидно, торжества
И не скрывал змей-искуситель...

...Одна, под струями дождя,
С глазами, рвущимися в просинь,
Благословляя танцем осень,
Пленила в краткий миг тебя.

На остановке опустевшей
Стоял, потерянный, впотьмах.
Жар-птицы крыл единый взмах
Встревожил бы дитя не меньше.

Хоть утверждали зеркала,
Что лет давно не восемнадцать,
Что было б глупостью встречаться,
Перечеркнув своё вчера,

Но утром, при любой погоде,
В спортивный облачась костюм,
Бежал, стремясь... В закрытый трюм?
На затонувшем пароходе?

И выходные проводил,
Ища мелькнувшее виденье,
Не прогоняя наважденье,
Радикулит давно забыв.

Сдалась фортуна пред напором
И невзначай столкнула их.
Он был смущённой, чем жених.
И падал снег седым минором.

В засыпанной до самых окон
Избушке с печкою темно.
О н а дышала на стекло,
И белый пар свивался в кокон.

Но вот и стук! Метнулась к двери,
Не отводя счастливых глаз.
И вскоре осветилась мгла:
Затрепетали свечек перья.

Вдвоём справляли день рожденья.
Её семнадцать. На столе
Всё по-серьёзному вполне.
И – алой розы искушенье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.